

Елена Меньшенина

Беспробудно светло

УДК 821.161.2
ББК 84(2Рос=Рус)
М51

Меньшенина, Е. С.
М51 Беспобудно светло : стихотворения /
Е. С. Меньшенина. — Челябинск, 2013. —
48 с.

УДК 821.161.2
ББК 84(2Рос=Рус)

© Меньшенина Е. С., 2013.

Вместо посвящения:

*как в том непостижимом октябре
стояли, ничего не говоря,
и падал снег, он падал о тебе –
на языке без слов и словаря.*

Р. Кусимов

* * *

Здесь бьется высота — глухонемая небыль —
В расхристанной земли беспалые края,
Здесь падает плашмя заточенное небо
С сосновой темнотой у остря.

Здесь солнце — в стылый воск, в размокшую солому
Растоплено, растоптано — и круг
Уже не завершит, не повернется к дому,
Но неизменно выведет на юг.

* * *

В немоты известковое горло
Капиллярная брызнула речь:
Говорения медные сверла,
Спазм сонорных артерий. Картечь
В мягком нёбе пророщенных зерен...
И под пульсом не чуешь висок,
Полусферу гортанного моря
Опрокинув в соленый песок —
На дно звездной сетчатки. Победно
Спит в зрачке темноты стрекоза...
Мнешь ладони стекла — когда небо,
Будто пот, заливаает глаза.

* * *

Слеза сползает по щеке, как свет,
Скользящий в угол рамы вечерами,
Когда земли вздымается хребет
И небо, что икона под губами —

Все так же безнадежно холодит,
Все так же разбивается о лица...
Бог кажется проталиной в груди,
Как облако, очнувшееся птицей.

Такой неразлинованный простор,
Что ставишь к стенке тень, как арестанта
И голову кладешь, как под топор,
Под медную капле слепых курантов.

* * *

Берег верхний и нижний, начало речного разлома —
Так ломается взгляд об отвесную грудку воды...
Не на эту ли смерть выходить обреченно из дома
И морозной росы вытирать восковые следы?..

Оттого по ночам воздух тесен, как облаку горы,
По углам и в груди, знай, слепая рябит мошкара...
И обрывок окна, наполняясь пространством и взором,
Говорит с темнотой на сквозном языке серебра.

* * *

...А слово вырастает из меня,
Как дерево из собственного веса,
Как воздуха босая толкотня
Из семечка, проснувшегося лесом.

Так рама мыла маму — изнутри,
До хрупкого стекольного безумья,
До блеска, затонувшего в груди,
До Логоса — слагаемого в сумме

Ее пустот...

* * *

Когда трава лоскутная нелепо
Заштопана зигзагом стрекозы,
Когда трещит натопленное небо
В удушливом предчувствии грозы
(Так ждет душа другого тела), словно
Бог в безголосой прячется строке
И, рассыпаясь в воздухе бескровном,
Юродствует на птичьем языке
Дождя.

* * *

Ночь расцветает лампами над кроватью...
Тусклый янтарь альвеол бередят слова...
Тело, взрослея, вытягивается из платья,
Как из земли — бессмертие и трава.

Ночью от речи слишком светло в гортани
Звуку и времени — правды в них, что в ногах...
Тело до срока состарится — значит, встанет
В мутных зрочках пересчитывать жемчуга.

Я наступаю на лед, как на небо, дабы
Не обезуметь, в ворот упрятав вдох.
Это душа изживает себя — и слабо
Бьется в ладонях — реже, чем в стекла — Бог.

* * *

Снег выворачивает веки:
Простор заутренний знаком.
И замерзающие реки
Скрипучим трутся позвонком

О чашу воздуха. И парка
Прорехи светом проросли...
Двояковыпуклая арка
Глазного яблока земли,

И солнца выжженная яма,
Рябин венозная картечь...
Попытка времени и рамы
Сквозным пространством пренебречь.

* * *

*Зажгу без умысла свечу,
И кухня потеряет стены...*

В. Феркель

Прорежется царапина свечная,
И комната распухнет, как десна,
Опилками пространства наполняя
Прорехи неевклидова окна.

В них роешься, как в легких перед вдохом,
Как в вязкой речи рыбьим языком...
И пустота за пазухой у Бога
Свернулась самолетным узелком.

* * *

Здесь птицы, распрямляясь в облака,
Роняют крылья цвета белены.
И с мертвого земного молока
Снимают пенку липкой тишины.

Еще ползет дырявая смола
По скомканной изнаночной воде,
И берега, сомкнувшись добела,
Бескостный воздух носят в кулаке.

А он растет плашмя, чтоб налету
В речное горло вмерзнуть удалось...
Как мякиш, растворившийся во рту,
Земля собой пропитана насквозь.

* * *

Роняет ночами морозное эхо мужик,
Да стынет округа, безгласая, как филомела,
Где в устье обрубок реки, будто скользкий язык,
Навстречу земле выпадает из старого тела.

Лепечет в зобу муравьиная поступь дождя,
Изогнуты рты, начиненные рыбьим наречьем.
Нутро тишины слюдяным языком теребя,
Густеет вода, говорящая по-человечьи.

* * *

Мучишь горло именем прободным,
И, когда не сможешь произнести,
Четвертуя, вытащишь из воды,
Зажимая гулкую кровь в горсти,

Или воздух вытащишь из стекла,
Размыкая жабры оконных рыб...
И ложится дерево, как смола,
Поперек беспалой его коры.

Дождь ворочает скомканным языком,
Раздирая влагу в ничейном рту,
И окно, распорото рыбаком,
Полосует ребрами пустоту.

* * *

Голос леской морозной вытянут
От полыни до полыни.
Дни прозрачны и оглушительны,
Будто мертвые соловьи.

Там, где небо, как нёбо, скручено,
Перевернуто, как строка, —
Кровяной узелок созвучия
Под излучиной языка.

Теребишь соляное, косное,
Коренное — хоть бритвой режь,
Небо трется пустыми деснами,
Зажимает земную брешь,

Шевелит неживое, тусклое,
Когда рыбы приходят лечь
Вдоль воды, что слепыми сгустками
Переходит в стекло и речь.

* * *

*Я люблю тебя только за то, что жив,
И более ни за что.*

Ю. Мориц

Нынче окна взялись, от зимы заскучав,
Сквозняком штопать дыры в виске,
Будто кто-то за ними не спит по ночам,
Похоронен в чужом городке.

Лучше б в горы по горло — да вот не судьба,
Только душу глотаешь, как ком,
Соляную равнину горячего лба
Накрывая небесным стеклом.

А когда превращается взгляд в решето,
Чтоб сквозь веки цедить пустоту,
Звездным рыбам на дне беспробудно светло,
Оттого они слепнут к утру.

* * *

От неба до нёба прошиты белесой
Морозною нитью, господней иглой,
Деревья с землей говорят безголосо
О том, как ознобом им плечи свело.

Река, задохнувшись разладом, разрывом,
Как щука, щетинится пастью моста,
Зекает и жаждет наживки — наживы...
И молча «вы живы» твердит неспроста.

Бескостную речь ее, ангельский лепет
Впечатать в гортань, пережить, пережать...
Зиме научиться, как учатся дети
Живое по мертвым склонять падежам.

* * *

Зерно зрочка спит в яблоке неспелом...
Чернеет снег, как чайная зола —
Граница между разумом и телом,
Что ободком по кружке пролегла.

Ты загнан в угол. Комната — в четыре.
И взгляд косит, куда ни посмотри,
Как будто бродишь по чужой квартире,
Как сердце, разрываясь изнутри.

* * *

Ты говоришь со мной, как говорят деревья
На кровном языке движения в себя.
Так дети налету беседуют с метелью
И чуждые слова под небом теребят.

Так лепятся стихи у свода горлового,
Так падает в зрачок скукоженный простор,
Так стянут кругозор веревкой известковой,
Когда ты из себя выходишь в коридор.

В отвесные снега впечатываясь грудью,
Становимся узлом, как небо и вода,
Совпавшие насквозь. Так совпадают люди
С зеркальной высотой друг друга — навсегда.

* * *

Ты запрокинут весь, как город после спячки.
Так озеро спиной не ощущает льдин,
Растущих из него, — и слушает, как плачет
Небесная змея, свернувшись на груди.

Ты промерзаешь вдоль, как небо или реки,
Как мертвая земля у корня языка,
Как зерна темноты, пробившейся сквозь веки,
Как вросшая в гортань трамвайная строка.

Ты дышишь через край, как облака и горы,
Как дышит сквозь стекло морозная трава...
Мир тянется к тебе, как женщина, которой
Осиновый озноб набился в рукава.

Ты опрокинут весь, как чаша горловая,
Покуда из нее выплескивают речь,
Как утренняя дрожь бездомного трамвая,
Что под ноги тебе роняет воздух с плеч.

* * *

Дышишь наотмашь, меришь на фунты лихо,
В горле сжимаешь, греешь его в горсти...
Память мутнеет. Ощупью ищет выход:
Думал, пожнешь, да нечему прорасти.

Падает шепот облачно и наречно.
Сухо и зябко снег говорит во сне...
Мертвые реки чувят под кожей вечность
И безвозвратно старятся по весне.

Носишь озноб за пазухой, как младенца,
Как носят слезы глубже глазного дна...
Солнце к закату движется, будто сердце,
Дальше души, запрятанной в рукава.

* * *

Когда свет мутнеет и ищет, где б
Прирасти к тебе по кривой,
Пустота между губ, как насущный хлеб,
Черно-белый и неживой.

Ты отводишь беду, как другой — глаза
От древесных стоячих рек...
Наизлом, как мертвая стрекоза,
Опрокидывается снег

Или смех, расколотый изнутри
Под гортанную скорлупой...
Засыпаешь. Лампочка не горит
Между Богом и темнотой.

* * *

Пустота, прижавшаяся к ладони —
Когда провод проводов оголен...
Тело чувствует душу, как подоконник —
Невесомость воздуха с трех сторон.

К тишине, донесшейся с колокольни
Твоего ухода — как эхо, льну:
В суете бессмысленной и глагольной
Я причастие к имени твоему.

* * *

Тряпье дождя висит передо мной
И говорит почти по-человечьи:
Лоскутный рот с безгубою каймой,
Пространство, изувеченное речью.

И держишь мысль булавкой языка,
И говоришь, как дышишь — наизнанку...
Так в лыко превращается строка
И небо превращается в сетчатку.

О роговица воздуха, броня
Иссушенная собственно влагой!..
И голос возвращается в меня,
Как слово возвращается в бумагу.

* * *

*Ты, наверное, скоро умрешь,
я умру за тобой
через (странно подумать)
четырнадцать лет или восемь.*

В. Кальпиди

Ты умрешь в сентябре, то есть выйдешь из дома
живым
И с лица отряхнешь пустоты стрекозиные крылья.
Ветер режет повдоль сухожилия раскосой травы
И становятся пчелы живой позолоченной пылью.

Упираясь дыханием в нёбо (читается «не-»),
Ты по-птичьи ложишься в себя поперек тяготенья,
И растешь, как вода, параллельно прокисшей земле,
Как крыло тополей в геометрии лиственных перьев.

Птица в профиль похожа на слепок с ее языка,
Твоего — моего — то есть между- и среднеязычья,
Это с мертвых деревьев стекает сухая река,
Это войлочный зной истончается в воздух
тряпичный.

Ты умрешь в сентябре — и наутро не вспомнишь,
в каком —
И туман расползется в разбитом небесном корыте,
Будто рыбы, напоены плоским своим молоком,
Между пальцев моста натянули стеклянные нити

И по ним проплывают вслепую, как речь и слюна,
Из гортани реки вынимая белесые кольца...
Между высохших век распрямятся бабочка сна,
Пуповину дождя намотав на свое веретенце.

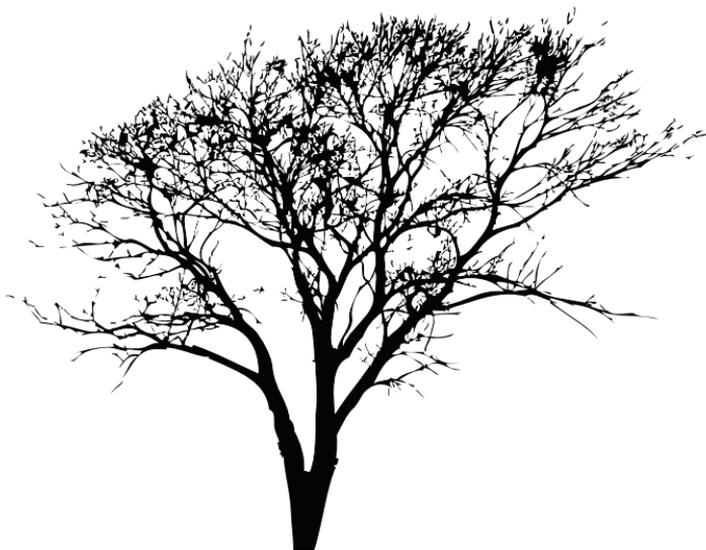
Сквозь тебя прорастает луна оловянным зрачком,
И сухая гроза обнажает шершавые ребра...
Когда голос изогнут тупым рыболовным крючком,
Промедление имени смерти уже не подобно.

Девять писем барону Шуценбаху

*Вот дерево засохло, но все же оно
вместе с другими качается от ветра.*

А. Чехов

Пролог

Ночью деревья спят наизлет, как реки,
С собственной тяжестью в трещине горловой.
Прячет устало барон Тузенбах под веки
Сад, беспощадный, надменный и снеговой.

Так я древесный озноб хороню ночами,
Хрупкий, как имя, в нёбном сыром песке...
Мы говорим, как замок говорит с ключами,
На невозвратном скрученном языке.

Мучим железное, звонкое, кровавое
Между губами. Душно и несветло,
Будто проснулся с бабочкой под десною,
И не понять, как слово там заросло.

Письмо первое

Здесь, Тузенбах, отвратительная погода.
Дни не длинней пробела в строке недели...
Дважды не входят в январскую злую воду,
Что протяженнее года на самом деле

Помните сад? Он по-прежнему чужд нетерпенья.
Ждет и не лезет ни в окна, ни в небо, ни в души...
Как на разрыв наполняется взгляд светотенью,
И рассказал бы, да некому больше послушать.

Только деревья крестятся прежде грома:
Поодиночке выжившие — не выжечь...
Только людей выплескивает из дома
Тщетная мысль: оказаться к нему поближе.

*Письмо второе,
разорванное и не отправленное*

Вы помните птиц, что спеленуты тесно
Снегами над вязовой вязью ветвей?
Как время за дверью становится местом,
Натужно и жалко срываясь с петель?..

.....
...Когда, отлучившись из тела и дома,
Петляют безумцы по небу и над,
Часы убегают маршрутом знакомым,
За временем, то есть — назад.

Письмо третье

На закате воздух мудрей, чем Цельсий:
Промерзает раньше бесцветной речи...
Говорят, до Москвы проложили рельсы,
Как ни целься — сходятся вам навстречу.

Только ночь царапается с угрозой
Между рам, взгрызается в дверь ключами,
Когда взгляд полощется на морозе...
...Вас, барон, придумали — прокричали

Наизусть — бездарно и бессловесно...
Оттого уехали вы, не зная,
Каково к утру превратиться в местность,
Опустеть, как комната нежил/вая.

Письмо четвертое

Одиночество, названное на «ты»:
Бинтовали, прятали — не срослось...
Возле окон, боящихся высоты,
Даже ангелы промерзают насквозь.

До немого беспомощного льда —
Между ребер тесно — не соскresti...
Глубже стекол, выгнутых, как вода,
До весны запрятанная в горсти.

...И окно умирает, когда его
Налету вынимают из темноты...
Сколько птиц распластано под ногой:
Высотой раздавленных, золотых.

Письмо пятое

Ломкие строки — мученики, предтечи
Костью в гортани ставшего бытия...
Мы за молчание платим неспелой речью,
Скользкой, как рыба мертвая чешуя.

Снег и слова, идущие горлом в землю,
Сплюну неловко, будто через плечо...
Мягко ложится сердце, да жестко стелет,
Бродит в груди — бездомно и горячо.

И не хватает воздуха, чаще — взора
Шире морозной узорчатой толкотни...
В небе скучают выцветшие озера
Да снегири, промерзшие изнутри.

Письмо шестое

Вместить не может воздуха и сада
Хромого звука желчь и желтизна,
Отколотая настезь от фасада
Качается проталина окна.

Мучнистый лед, рассыпанная влага,
Кислица, муравьиная слюна...
Как слышится от бога и до блага,
Так пишется губами тишина.

Шершавая, без запаха и цвета,
Подкожная, живая, не своя...
В незамкнутой окружности рассвета
Лежащая наотмашь, как земля.

Толкнет под дых прогорклое и злое,
Рябиновая тяга к белизне,
Когда неотвратимо, как алое,
Цветет тоска в груди и на окне.

Куда, скажи, каким путем окольным,
Впиваясь в высоту наоборот,
Наполненное воздухом продольным,
Сквозь нас сухое дерево растет?..

Письмо седьмое

Он продолжается во мне — дождем
И росчерком хромого винограда...
Так небо опрокинутого сада
В расщелинах созвездий прячет дом.

Вдохнуть бы имя, чуждое ему,
В сырую глину речи, словно «Боже!» —
И, как земля, почувствовать под кожей
Древесную сухую тишину.

Письмо восьмое

О решка-речь, ты выпадаешь боком,
Как спящий дождь из облачной петли,
И бабочка, зажата меж стекол,
Наутро выцветает изнутри.

И хочется, да нечему колотья,
А где кольнет — там некому хотеть,
Когда тебя, как воду из колодца,
Пригоршнями зачерпывает смерть.

О речка-речь, сквозь невод подъязычный
На тишину обрушенная вспять...
Так зеркало в нас падает привычно:
Пропавшим с вестью легче умирать.

*Письмо девятое,
отправленное в никуда*

Мой Арлекин, хитрец, простак...

И. Бродский

*...идешь и чувствуешь,
что у тебя нет сил остановиться.*

А. Чехов

Тишина садится в ладони нам,
Чтоб толику правды вернуть ногам...
Будто занавес (чертовый балаган!)
Опускаешь веки.

И бредешь, и чувствуешь: поделом,
Лицедей, тринадцатый за столом...
В устье горла не ком бережной, а кол —
Да безгласы реки.

Как веревка морозным растет бельем,
Как сквозь ребра память растет бльем,
Как ломать дефисом житьё-бытьё —
Самому не вспомнить.

«Два» в уме, покуда не снимут с плеч
Беспокойных счет костяную речь,
Будто голову...

Господи, как сберечь
То, что *не дано мне?*..

Эпиграма

Покуда мертвый сад замотан, как в рубаху,
В изнаночный простор, исхоженный до дыр,
Деревья говорят с бароном Тузенбахом
На плоском языке раздавленной воды.

Покуда пишет бог не белым и не черным —
Занозами листвы, янтарною золой,
Река лежит плашмя с остекленевшим горлом,
Прошитая до дна древесною иглой.

Барон считает птиц, прижатых к изголовью
Изогнутой земли, растущей сквозь себя,
И воздух изнутри не совпадает с кровью,
Заштопав пустоту меж ребрами дождя.

Деревья налету распластывают кроны
И наугад плывут вдоль собственных корней
По руслу темноты — и не заснуть барону
В промерзшей до земли отвесной тишине.

Содержание

«Здесь бьется высота — глухонемая небыль...»	5
«В немоты известковое горло...»	6
«Слеза сползает по щеке, как свет...»	7
«Берег верхний и нижний, начало речного разлома...»	8
«...А слово вырастает из меня...»	9
«Когда трава, сопротивляясь следу...»	10
«Ночью целуют женщину, как распятые...»	11
«Снег выворачивает веки...»	12
«Прорежется царапина свечная...»	13
«Здесь птицы, растянувшись в облака...»	14
«Роняет ночами морозное эхо мужик...»	15
«Мучишь горло именем прободным...»	16
«Голос леской морозной вытянут...»	17
«Нынче окна взялись, от зимы заскучав...»	18
«От неба до неба прошиты белесой...»	19
«Зерно зрочка спит в яблоке неспелом...»	20
«Ты говоришь со мной, как говорят деревья...»	21
«Ты запрокинут весь, как город после спячки...»	22
«Дышишь наотмашь, меришь на фунты лихо...»	23
«Когда свет мутнеет и ищет, где б...»	24

«Пустота, прижавшаяся к ладони...»	25
«Тряпье дождя висит передо мной...»	26
«Ты умрешь в сентябре, то есть выйдешь из дома живым...»	27

Десять писем барону Тузенбаху

Пролог.....	33
Письмо первое.....	34
Письмо второе, разорванное и не отправленное.....	35
Письмо третье.....	36
Письмо четвертое.....	37
Письмо пятое.....	38
Письмо шестое.....	39
Письмо седьмое.....	41
Письмо восьмое.....	42
Письмо девятое, отправленное в никуда.....	43
Эпилог.....	45

Елена Сергеевна Меньшенина

Беспробудно светло

Верстка Е. С. Меньшенина

Подписано в печать 21.12.2013

Гарнитура «Bannikova».

Формат 70×108/32. Объем 2,1 усл. печ. л.

Заказ № 197

Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «ИПП «Фотохудожник»»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1.